

— Похоже, настроение у тебя улучшилось, — заметил Моисей.

— Наверное? — ответил Линь. — После разговора с верховным инквизитором я и правда стал меньше нервничать.

— М-м, — неопределённо протянул русал. В его улыбке насмешки было куда больше, чем чего-либо ещё.

Линь не совсем понял, над чем тот издевается. Впрочем, он почти никогда не использовал чтение мыслей на близких, да и язвительность Моисея давно стала привычной. Даже почувствовав странность, юный бог без особых раздумий отмахнулся от этого и спросил:

— Там всё готово?

— Разумеется, — Моисей тоже стал серьёзен. — Можешь не беспокоиться.

Линь кивнул.

Он сидел в совершенно новом кабинете. На столе лежала раскрытая бухгалтерская книга — расчёты за сегодняшний день только-только закончились.

Социальное жильё было бесплатным, а значит, они могли сэкономить по три юаня арендной платы в неделю. Однако, чтобы действительно въехать в эту квартиру, требовалось потратить сумму, превышающую три юаня.

Например, раньше они спали на двухъярусных кроватях шириной всего семьдесят сантиметров, а теперь для нового дома придётся покупать матрасы под новые кровати.

Это ещё можно было отложить. Сегодня ночью Линь собирался кое-как переночевать с двумя детьми на кожаном диване: три кровати шириной полтора метра уже вернули в хозяйственный отдел, а заказанные им шесть каркасов под кровати шириной метр двадцать ещё не доставили.

Когда привезут новые каркасы, придётся покупать простыни, пододеяльники и наволочки, а заодно и прочую мелочёвку — домашние тапки, щётки для ванной и так далее, и так далее.

Всего этого не требовалось, когда они жили в квартире «Мятного масла» площадью меньше двадцати квадратных метров, но при этом умудрялись выделять там две комнаты и гостиную. Теперь же всё это приходилось учитывать.

После того как Фельдграу и Ловветро ушли, Линь разобрал тюки, а когда наступил день, ещё раз вышел за покупками.

Он купил немало новых вещей для хозяйства с чётким пониманием: в течение следующей недели ему предстоит купить ещё гораздо больше, чтобы заполнить эту квартиру.

С определённой точки зрения, если ему удастся уже завтра полностью привести жильё в порядок и забрать Парамбу из инквизиционного медицинского подразделения — это будет означать, что Линь действует крайне проворно. А пока Парамбе придётся провести отдельно от них ещё один день.

Временно пожить в медподразделении тоже было неплохо. После ужина Линь с двумя детьми зашёл его навестить и обнаружил, что температура у больного мышелюда спала, но нижние конечности снова начали отекают. Дежурный кровеплотяной целитель по доброте душевной провёл лечение по страховке Линя и дал Парамбе препарат с мочегонным эффектом.

С мочегонным эффектом — при том, что Парамба не мог вставать с постели.

«Тц. Значит, копить деньги всё-таки надо быстрее. Ну, можно продолжать использовать старую электроплиту и подобную технику. Вытяжку устанавливать тоже необязательно — просто запахи при готовке будут хуже выветриваться».

Эту электроплиту они вытащили со станции переработки мусора ещё два года назад. И ведь как-то прожили без вытяжки. Будут чаще готовить тушёные блюда и класть поменьше масла — так ещё и убираться станет проще.

Линь некоторое время что-то прибавлял и вычитал в своей бухгалтерской книге, а затем пришёл к выводу, что ему всё так же придётся придерживаться принципа «отказывайся от приличий ради накоплений».

«...Под предлогом того, что при переезде испортилась одежда, можно сходить и получить ещё одну рубашку. Впрочем, это и не совсем предлог — на старой действительно появилась небольшая прореха».

А новую рубашку можно будет отдать Парамбе.

Закончив расчёты, Линь выглянул из кабинета и увидел, что Хвостик и Пятнуля уже уснули на диване.

Он поднялся, взял аккуратно сложенное старое одеяло и укрыл обоих малышей, после чего вернулся в кабинет и прикрыл дверь.

Линь достал старое зеркало, которое во время уборки было убрано в ящик, и поставил его на письменный стол. Затем он мельком посмотрел на окно перед столом и понял, что из-за отсутствия штор не может скрыть возможные посторонние взгляды.

«К счастью, окно кабинета выходит не на улицу... Погодите, оно выходит в переулок между отделением Инквизиции и рядом общежитий. А значит, мне постоянно придётся сталкиваться со взглядами инквизиторов, идущих на работу и с работы. Кажется, это даже хуже?»

Линь впервые с редкой ясностью осознал собственное положение — «я в логове врага».

Но ещё яснее он осознавал скрытность своих сил. Поэтому юный бог смело постучал по зеркальной поверхности и заговорил с вернувшимся Моисеем.

— Итак, — спросил Моисей, — ваше высочество, вы тоже готовы?

— Да, — Линь глубоко вдохнул. — Кроме группы Пескровбаша, которая действует в районе Пещеры Тёмного Моря и при этом стоит на стороне человеческой цивилизации, остаются только инквизиторы, отправляющиеся расследовать Пещеру Тёмного Моря. Но у меня нет права сотрудничать с инквизиторами, а чтобы выстроить доверие хотя бы с одним из них, потребуются годы. Единственные, кого я могу использовать, — это эта группа нищих беглых рабов.

Разумеется, Линь действовал не исключительно из желания спасти других. Как враг Девы Серебряной Луны, он должен был иметь способ наблюдать за одним из оплотов культистов. Иначе ему оставалось бы лишь ждать, пока враг сам придёт к нему.

— Я бегло осмотрел всех рабов, — продолжил Линь. — Больше всего моим требованиям соответствует Пескровбаш. Он твёрд, честолобив, умеет общаться и ещё лучше — доносить свои мысли до других. И он способен убивать. Ты не знал? Он убил человека у себя на родине, после чего бежал из города и уже тогда был схвачен культистами и продан.

— О-о, — протянул Моисей. — Хм?

Девятисотлетний святой дух-русал удивлённо поднял голову и взглянул на занятого работой Пескровбаша.

Да. Сейчас Моисей находился именно в пещере, где скрывались беглые рабы.

Линь, являясь в облике Ока Зазеркалья, не мог войти в реальность и за пределами божественного царства существовал лишь в отражениях. Он никогда не покидал божественное царство — зеркало являлось лишь окном, через которое он смотрел наружу.

Моисей же отличался. Кошмар был демоном сна, иллюзией наяву; став святым духом, он не изменил сути своей силы, лишь избавился от скверны. Он не умел входить и выходить через зеркала, но мог покидать сон и становиться призрачной тенью в реальности.

В «больнице» страдающие пациенты, находясь между сном и явью, превращали своё сознание

в низкосортные, неровные жемчужины.

Вчера Моисей вышел из одной такой жемчужины и предстал перед Пескровбашем, объяснявшим другим рабам условия сделки, заявив, что принёс волю божества: как священник, он поможет им провести мессу.

Само внезапное появление святого духа было чудом. Немногие упрямы, колебавшиеся насчёт сделки, отступили под напором всеобщего воодушевления и вынужденно замолчали.

Моисей, конечно, понимал: эти упрямы по-прежнему настороженно относились и к нему, и к Оку Зазеркалья. Линь тоже считал, что такой способ обретения веры не слишком достойный, и, если бы не необходимость быстро укрепить свои позиции перед грядущими действиями, он не стал бы прямо требовать веры в качестве платы.

Но Моисею казалось, что Линь просто слишком молод.

«Когда рядом маячит гриболюд, лучше сперва загнать людей в загон».

А как затем выйти из этих холодных товарных отношений и получить подлинную веру? Он верил в обаяние Линя и верил в его силу.

Да, действительно, не то чтобы раньше никто не протягивал этим рабам руку помощи. Но в этот момент руку им протянул именно Око Зазеркалья — и этого хватало.

А дальше... Моисей всё-таки являлся номинальным священником. Даже если он больше ничего не умел, уж проповедовать-то у него должно было получиться?

Проповедь прежде всего требовала умения разбираться в людях. Пусть весь его опыт проповеди и принадлежал настоящему Моисею, он считал, что в людях разбирается довольно хорошо.

Вот только святой дух и представить не мог, что, начав с Кристабель и толком ни на ком ещё не использовав свою проницательность, споткнётся именно о Пескровбаша.

Моисей окинул взглядом лысого птицелюда и тихо пробормотал:

— И не скажешь ведь...

— Не скажешь что? — внезапно раздался голос.

Моисей не удивился. Спокойно опустив взгляд, он посмотрел на гриболюда, подошедшего к его

ногам.

Он находился в этой пещере уже больше суток и успел поговорить с большинством людей, но лицом к лицу с этим существом столкнулся впервые.

— Я полагал, — холодно произнёс Моисей, — что начинать разговор с приветствия — это общеизвестная вежливость.

— О, нашёл другого хозяина и сразу стал дерзким, «Песнь затихающего прилива»? — фыркнул гриболюд. — Характер у тебя сильно изменился.

Моисей прищурился.

Он не считал, что по сравнению с настоящим Моисеем его характер так уж изменился, но одновременно понимал: в его памяти много пробелов, заполненных Мелодией Раковины, и собственным ощущениям нельзя полностью доверять.

Но это было не главным. Главным была личность гриболюда, откуда-то знающего «Песнь затихающего прилива».

«Апостол Короля Грибов?»

Но русал точно помнил: этот слабый тёмный бог после гибели своего первого апостола больше никого не избирал. Если же после смерти настоящего Моисея у Короля Грибов появился новый апостол, тот не мог знать Моисея Гуппи.

Он мог знать «Песнь затихающего прилива», но не стал бы связывать священника Ока Зазеркалья с этим прозвищем.

«Так кто же он?..»

— Кто я такой? — произнёс гриболюд. — Ты сейчас думаешь именно об этом, верно?

Моисей приподнял бровь.

— У меня не только характер сильно изменился, — не уступил русал, — есть ещё одно изменение. Ты сейчас думаешь именно об этом, верно?

Гриболюд внезапно замолчал.

Моисей — уже не демон, а святой дух, чья магия больше не несла скверны, — вызывающе

улыбнулся, больше не глядя на него, и повернулся, направляясь в центр пещеры, называемой «залом».

Стараниями Пескровбаша, кроме нескольких человек, не способных покинуть свои рабочие места, все остальные рабы собрались в «зале», включая четырёх пациентов из «больницы».

Моисей велел тем, кто может, сесть, а тем, кто не может, — лечь. Затем он взмахнул рукой, и в воздухе одна за другой возникли призрачные зеркала, зависшие перед каждым из присутствующих.

Этот жест заставил перешёптывающихся беглых рабов замолчать. В одно мгновение в «зале» остались слышны лишь тяжёлое дыхание и стоны больных.

Месса началась.

Моисей должен был бы в первую очередь зачитать священные тексты Ока Зазеркалья.

Но у Ока Зазеркалья на данный момент таких текстов просто не существовало.

Ничего страшного — прожив более девятисот лет, Моисей владел искусством импровизации.

Он стоял перед собравшимися, и его нечеловеческая красота естественным образом притягивала взгляды. Стоило ему раскрыть рот, как люди невольно начинали внимательно вслушиваться в каждое его слово.

Лёгкая магия растекалась вместе с голосом; больные, лежащие на койках, чувствовали, как боль утихает, а напряжённые лица постепенно расслабляются.

— Я пришёл рассказать вам о милосердии Ока Зазеркалья, — сказал Моисей. — Око Зазеркалья говорит: он пришёл, чтобы вы увидели самих себя.

Его голос был мелодичен, словно песня.

— Посмотрите в зеркало. Посмотрите, как прошедшее время сформировало вас. Посмотрите на боль и трудности, через которые вы прошли. Знаете ли вы по-настоящему, кем являетесь?

— Мистер Пескровбаш, — тихо позвал Хороправ, не смея мешать мессе.

Пожилой русал, не знавший Моисея, стоял вместе со Снежноцапкой в углу «зала» и махал Пескровбашу.

Лысый птицелюд молча смотрел в зеркало — на лицо, которое по сравнению с его молодостью изменилось до неузнаваемости. Лишь спустя некоторое время он отреагировал.

Как лидер, Пескровбаш должен был сидеть впереди всех, но сегодня он устроился с краю, и потому, когда он поднялся, его движения не отвлекли товарищей, погружённых в мессу.

Худой мужчина подошёл к Хороправу со Снежноцапкой и увидел, что один держит комплект водолазного костюма, а другая — кислородный баллон.

— Всё готово, — сказал Хороправ. — Кислород закачан по инструкции, но я делал это впервые, так что будьте осторожны.

— Вы правда пойдёте один, мистер Пескровбаш? — Снежноцапка очень переживала. Ей казалось, что именно её зов Ока Зазеркалья привёл к такому развитию событий. — Может, мне пойти с вами?..

Птицелюд покачал головой, и девушке пришлось проглотить оставшиеся слова.

— Бог так не говорил, значит, и ты так не делай, — пояснил Пескровбаш. — Это негласное правило жизни в этом мире.

Он улыбнулся.

— Ничего страшного. Если удастся спасти Дыммеча, значит, всё было не зря.

С этими словами он оглянулся.

Он встретился взглядом с Роснадей — единственной, кто не был погружён в мессу, — и увидел в её глазах тревогу.

Затем он поймал взгляд священника-русала и понял: этот святой дух, внезапно явившийся в пещере и полностью изменивший расстановку сил, торопит его.

По плану он должен был отправляться, как только месса началась.

Об этом договорились ещё вчера. Пескровбаш не мог, да и не собирался нарушать обещание.

В последний раз поблагодарив Хороправа и Снежноцапку, лысый птицелюд в одиночку шагнул во тьму.

На краю скрытой гавани он надел водолазный костюм и снаряжение, затем занялся оружием.

Так называемое оружие представляло собой всего лишь кинжал — из отличной стали, с клеймом Инквизиции на рукояти.

Пескровбаш вытащил клинок и уставился на сияющее лезвие.

Он ожидал увидеть в нём собственное отражение, но на узкой полосе стали возникла половина незнакомого лица.

Хотя лысый птицелюд видел лишь малую часть и не мог различить деталей, он почему-то точно знал: перед ним молодой мужчина.

Этот молодой мужчина смотрел на Пескровбаша серебряным глазом.

Данную внешность уже описывали Хороправ со Снежноцапкой.

Он мгновенно понял, кто перед ним, и невольно замер.

И в этот миг из глубины его души поднялся чистый, отрешённый голос.

Бог повелел:

— Иди.

<http://bllate.org/book/12612/1411520>